

Proper name as an emotive phenomenon

The article deals with the theory of emotivity developed by V. I. Shakhovsky which is applied to the analysis of Russian anthroponyms. The author shows that proper names are able to connote acquiring additional expressive and evaluative meanings. The author specifies that personal names have three forms: full (official), short (used by family members) and diminutive-augmentative or meliorative-pejorative. It is claimed that V.I. Shakhovsky's method can be applied to the analysis of other types of proper names (toponyms, ergonyms, etc.).

Key words: *proper name, onym, connotation, emotive, ecosystem, derivative, short name, ameliorative, pejorative.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

А.П. СКОВОРОДНИКОВ
(Красноярск)

ЛИНГВОНЕКРОФИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается разновидность речевой / языковой агрессии, которая не нашла отражения в дефинициях этого явления, предлагаемых разными авторами. Это такая разновидность речевой агрессии, которая представляет крайний, экстремальный случай негативной эмоциональности и характеризуется ненавистью к объекту оценивания и желанием его уничтожить. Для обозначения этого феномена предлагается термин «лингвонекрофилия».

Ключевые слова: *речевая / языковая агрессия, экстремальная негативная эмоциональность, лингвонекрофилия.*

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.
Вадим Шефнер

В этой статье речь пойдет о словах, которыми хотят убить, т. е. о той информационной среде, в которой, по выражению В.И. Шаховского, «появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и

отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов» [10, с. 122–123], о той информационной среде, которая приводит «к негативации языковой картины у носителей языка, неуважению ими своей родины» [11, с. 303].

В общем случае разговор пойдет о той речи, которая в книге Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской «характеризуется повышенной агрессивностью, в том числе активным использованием соответствующих стратегий и тактик речевого поведения: угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления и т. д.» [7, с. 21–22]. Эти признаки речевой агрессии не упоминаются в предлагаемой авторами дефиниции речевой агрессии в силу ее обобщающего характера, хотя именно они в значительной степени характеризуют тот языковой / речевой феномен, который является предметом нашего исследования: «...под речевой агрессией в данном пособии понимается жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Там же, с. 24] (ср. близкие по сути (но не по форме!) определения речевой агрессии у других авторов, например, в [1, с. 31; 2, с. 176; 3, с. 48–50; 12, с. 15–16; 13, с. 16]).

О том, что такие дефиниции не «схватывают» главного признака того вида речевой агрессии, который мы имеем в виду, говорят, например, такие тексты, взятые из статьи О.Б. Неменского «Русофобия как идеология» [6]:

- *Не существует в природе никаких «русских националистов». Почему? Да потому, что животные не имеют национальности. Русское быдло темное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьюми эти отбросы человечества именовать недостойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия – это мразь. Ее полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... (из статьи Б. Стомахина «Мысли вслух»)* (цит. по: [6, с. 57]);

- *Тот самый народ, а если называть вещи своими именами – рабско-холуйская биомасса, поддерживающая, питающая и исправ-*

но порождающая их вот уже восемь столетий. <...> Восемь столетий кровавого скотства и тупой подлости, восемнадцать проваленных попыток модернизации – мало? Пора уже признать очевидную истину: эта страна и этот народ БЕЗНАДЕЖНЫ (из статьи Ю. Нестеренко «Исход») (цит. по: [6, с. 58]);

• *Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у парашки и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества. Так что апартеид – это правда, а какие-то всеобщие права человека – ложь. <...> Их положили у парашки и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных «петухов» дать им самоуправление (из статьи В. Новодворской «Не отдадим наше право налево!») (цит. по: [Там же, с. 55]).*

Цель настоящей статьи – выделение основных признаков данного вида речевой агрессии и нахождение для него подходящего терминологического обозначения.

Смысловым ядром этих и подобных им текстов являются яростная ненависть и презрение к объекту эмоциональной оценки; желание его полного уничтожения любыми средствами. Эта особенность рассматриваемого феномена ассоциируется с теорией злокачественной агрессии (некрофилии) Эриха Фромма, изложенной им в книге «Анатомия человеческой деструктивности» [9]. По Э. Фромму, есть два вида некрофилии: «Во-первых, имеется в виду сексуальная некрофилия (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии», которую «можно определить как *страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилому, разлагающемуся; одновременно это **страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения*** (здесь и далее выделено нами. – А.С.); а также *исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это **страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей***» (курсив Э. Фромма. – А.С.) [9, с. 437, 435]. Весьма примечательно, что Э. Фромм упоминает о наличии некрофильского языка: «Прямым проявлением речевой некрофилии является преимущественное употребление слов, связанных с разрушением или экскрементами» [Там же, с. 446]. Цитированные выше тексты служат убедительной иллюстрацией некрофильского языка – явления, для обозначения которого мы предлагаем термин *лингвонекрофилия*.

Кстати, Э. Фромм некрофилии рассматриваемого типа противопоставляет *биофилию*, под которой понимается «страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию <...> стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью...» [9, с. 481]. Полагаем, что это дает основание по аналогии с лингвонекрофилией говорить также о *лингвобюофилии*, которая, по-видимому, не столь характерна для текстов российского публичного дискурса, как лингвонекрофилия, но обнаруживается (и довольно часто) в русской классической поэзии и прозе.

Но вернемся к теме лингвонекрофилии. Ее образцы мы находим не только в отдельных текстовых фрагментах, но и в целых текстах большого формата. Иллюстрацией может служить книга А.Г. Невзорова «Отставка господина бога. Зачем России православие?» [5]. В этой книге автор злобно очернил многое из самого дорогого для русского человека. Это прежде всего православие и православные люди, которые служат главной мишенью лингвонекрофильских атак Невзорова [Там же, с. 16–40], так называемая русская идея [Там же, с. 16–22, 51–58, 98–99, 202–203]; многие значимые события русской истории и ее выдающиеся деятели [Там же, с. 28–31, 57–58, 81–82, 108–112]; национальные традиции и патриотизм [Там же, с. 44–46, 68–70, 98, 118–119]; русская классическая литература [Там же, с. 71–74]; российская государственность [Там же, с. 83–86] и т. д. Приведем (по необходимости краткие) образчики лингвонекрофильского стиля Невзорова:

• *Суворова, как и прочие архаичные комиксы, вроде радонежских, невских, пересветов, пожарских, кутузовых и пр., надо было бы оставить историкам, которые умеют с ними обращаться бережно и аккуратно, пользуясь пинцетом, в резиновых перчатках [Там же, с. 58];*

• *Единственное, что не вполне ясно из этого закона, – так это судьба самого бога: встанет ли он швейцаром к думским дверям или депутаты отделаются от него талонами на двукратное посещение своей столовой [Там же, с. 89];*

• *«Бородино» – это не «день славы русского оружия», а позорное поражение русской*

армии, повлекшее отступление, бросание знамен, артиллерии, десятков тысяч своих раненых, сдачу и уничтожение столицы [5, с. 109];

- Мы знаем, что умышленное или случайное вскрытие могильника с *bacillus anthracis* гарантирует бедствие. Идеологические могильники не менее опасны. <...> Но могильник потревожен – и мы видим, с какой скоростью Россия разворачивается строго назад и «обезнаучивается». Меняется мировоззрение масс, выстраиваются очереди к «поясам», вангам, крестам, экстрасенсам, святым и заряженным водам, мощам и иным чурингам [Там же, с. 120–121];

- А по меркам и классической, и современной психологии 75% святых христианской церкви подлежат немедленной госпитализации и принудительному лечению аминозином и галоперидолом с доведением дозы до 30 мг в сутки [Там же, с. 164];

- Как сказал классик, духовность – это газ, который выделяют попы из разных бородастых отверстий [Там же, с. 176];

- Самое отвратительное в работе президента – это необходимость (помимо всего прочего) постоянно развлекать сто с лишним миллионов идиотов [Там же, с. 193];

- Разумеется, новая революция в России необходима. Причем не столько для смены власти, сколько для смены народа [Там же, с. 200].

Как видим, для лингвонекрофилии как вида речевой агрессии вовсе не обязательно употребление инвектив, обсценизмов, вулгаризмов, жаргонизмов, грубого просторечия. Лингвонекрофильский эффект может создаваться и достигать высоких степеней накала путем использования предельно живых, циничных и кощунственных высказываний, находящихся в пределах литературной лексической и грамматической нормы, но грубо нарушающих норму этическую. Эта особенность невзоровской лингвонекрофилии (без использования этого термина) замечена журналистами. Так, Анатолий Макаров в статье «Братья по глумлению» пишет: «О власти, надо сказать, повсюду не принято отзываться с особым почтением. Но “сверхчеловек” Невзоров плюет и в то заветное, что теплится даже в очерствевшей душе. Достоевский – макулатура, концерт в Пальмире – пытка виолончелью, Родина – что ею дорожить, просто дрянь. Понимаю: это подло кощунственный стеб, но ведь не легкомысленный, а заранее обдуманый, как тщательно подготовленная террористическая акция» [4]. А писатель А.А. Проханов, рассуждая в статье «Крымское солнечное за-

тмение» о причинах внутреннего бунта человека, замечает: «В человеке разверзается бездна, о которой писал Достоевский. В этом страшном подполье начинает плодиться зло, в человеке рождается Невзоров, в человеке происходит расчеловечивание» [8]. Так, к характеристике признаков лингвонекрофилии прибавляются «глумление» и «расчеловечивание».

Итак, сформулируем предварительное определение понятия «лингвонекрофилия»: это такая разновидность речевой / языковой агрессии, для семантического наполнения которой характерны интенции ненависти, клеветы, очернения, презрения, глумления, кощунства и уничтожения, в совокупности результирующие производство высказываний с запрещенным для нормального человека нарушением этической нормы. Таким образом, можно констатировать, что введение понятия и термина *лингвонекрофилия* дифференцирует и уточняет родовое понятие речевой / языковой агрессии.

Список литературы

1. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006.
2. Гордеев Д.И. Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 175–181.
3. Закопан Л.М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 2. С. 46–51.
4. Макаров А. Братья по глумлению // Лит. газ. 2016. № 30. URL: <http://lgz.ru/article/-30-6561-27-07-2016/bratya-po-glumleniyu/> (дата обращения: 25.10.2018).
5. Невзоров А.Г. Отставка господ бога. Зачем России православие? М.: Эксмо, 2015.
6. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопр. национализма. 2013. № 13. С. 26–65.
7. Петрова Н.Е., Ращибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011.
8. Проханов А.А. Крымское солнечное затмение // Завтра. 2018. № 31. URL: <https://ru-prokhanov.livejournal.com/585523.html> (дата обращения: 25.10.2018).
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ – ЛТД, 1998.
10. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: моногр. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016.
11. Шаховский В.И. Медийная неэкологичность как способ / средство диффамации адресата // Эмо-

тивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, ред. кол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 302–317.

12. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

13. Яковлева Ю.В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917–1932 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

* * *

1. Voroncova T.A. Rechevaja agresija: komunikativno-diskursivnyj podhod: dis. ... d-ra filol. nauk. Cheljabinsk, 2006.

2. Gordeev D.I. Sposoby verbalizacii agresii (na materiale russkogovorjashih anonimnyh forumov) // Komp'juternaja lingvistika i vychislitel'nye ontologii. 2017. Vyp. 1. S. 175–181.

3. Zakopjan L.M. Rechevaja agresija kak predmet lingvisticheskih nauchnyh issledovanij // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. 2008. № 2. S. 46–51.

4. Makarov A. Brat'japo glumleniju // Lit. gaz. 2016. № 30. URL: <http://lgz.ru/article/-30-6561-27-07-2016/bratya-po-glumleniju/> (data obrashhenija: 25.10.2018).

5. Nevzorov A.G. Otstavka gospoda boga. Zachem Rossii pravoslavie? М.: Jeksmo, 2015.

6. Nemenskij O.B. Rusofobija kak ideologija // Vopr. nacionalizma. 2013. № 13. S. 26–65.

7. Petrova N.E., Raciburskaja L.V. Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agresii: ucheb. posobie. М.: Flinta; Nauka, 2011.

8. Prohanov A.A. Krymskoe solnechnoe zatmenie // Zavtra. 2018. № 31. URL: <https://ru-prokhanov.livejournal.com/585523.html> (data obrashhenija: 25.10.2018).

9. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. М.: Изд-во AST – LTD, 1998.

10. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii: monogr. Volgograd: Изд-во IP Polikarpov I.L., 2016.

11. Shahovskij V.I. Medijnaja nejekologichnost' kak sposob / sredstvo diffamacii adresata // Jemotivnaja lingvojekologija v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / nauch. red. prof. V.I. Shahovskij; отв. ред. проф. N.N. Panchenko, ред. кол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 302–317.

12. Shherbinina Ju.V. Verbal'naja agresija. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

13. Jakovleva Ju.V. Rechevaja agresija v polemicheskikh materialah sovetskih literaturno-hudozhestvennyh izdanij 1917–1932 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. М., 2016.

Linguistic necrophilia in modern Russian public discourse

The article considers a variety of speech aggression which is not reflected in the definitions of this phenomenon proposed by different authors. The author proves there is a kind of speech aggression which represents an extreme case of negative emotionality and is characterized by hatred of the object of evaluation and the desire to destroy it. To denote this phenomenon, the term «linguistic necrophilia» is proposed.

Key words: *speech aggression, extreme negative emotionality, linguistic necrophilia.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

С.И. МАДЖАЕВА
(Астрахань)

ЭМПАТИЯ КАК ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПРОФЕССИИ ВРАЧА

Освещаются взаимоотношения «врач ↔ пациент», необходимость проявления эмпатии как лингвоэкологического фактора в деятельности врача. Представлен взгляд на проблему установления врачом требуемого психологического контакта с пациентом, выстраивания наиболее приемлемых отношений с ним на основе клинических и лингвоэкологических аспектов деятельности, что подтверждается результатами интервьюирования пациентов и лингвистическим анализом телевизионных программ.

Ключевые слова: *эмпатия врача, толерантность, эмотивная лингвоэкология, коммуникативное пространство «врач ↔ пациент», коммуникация «врач ↔ пациент», терапевтический эффект.*

Прогресс медицины привел к новым возможностям лечения: пересадка органов, репродуктивная техника, перинатальная хирургия, генные технологии, телемедицина, криомедицина и др. позволяют лечить человека на более высоком уровне. Но самым главным условием успеха в лечении является совмещение научных достижений и доверительных отношений